

ЕВГЕНИЙ ГОЛОВИН

СЕНТИМЕНТАЛЬНОЕ
БЕШЕНСТВО
РОК·Н·РОМАН

Евгений Всеволодович Головин

Сентиментальное бешенство рок-н-ролла

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29422038

Евгений Головин. Сентиментальное бешенство рок-н-ролла: Издание

книжного магазина Цюлковский; Москва; 2017

ISBN 978-5-9908592-2-7

Аннотация

Аннотация к этой книге, вышедшей незначительным тиражом единственный раз в 1997 г., гласила: «Творчество Василия Шумова рассмотрено с позиций современного искусства, философии и мистики. Это на сегодня единственная в своем роде книга, которая создаст правильное представление и подход к восприятию работ Василия Шумова и группы «Центр». Книга написана в более сложном ключе, чем традиционные материалы на темы рок-музыки». Спустя двадцать лет к этому лаконичному абзацу сложно что то добавить – книга действительно написана в более сложном ключе, чем традиционные материалы на темы рок-музыки, и именно поэтому она значительно интереснее, чем вышеупомянутые традиционные материалы. Евгений Всеволодович Головин (1938–2010) – философ, поэт,

эссеист, переводчик, крупнейший специалист по алхимии, мистике, герметизму.

Содержание

Интродукция	6
Глава первая:	9
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Евгений Головин
Сентиментальное
бешенство рок-н-ролла

© Евгений Головин, наследники, 2017

© ООО «Книгократия», 2017

Интродукция

Не так легко писать о каком-либо человеке, о музыканте вообще трудно. Писатели любят впадать в «наглядность», любят представлять «мысленным взором» походку, жесты, улыбку и прочее. Самое лучшее, конечно, найти одну, две детали, в которых эффектнее всего отразилась экзистенциальная ситуация, причем вовсе необязательно отыскивать такие детали во внешности или в манере разговора. Когда Василий Шумов рассказывал о «двойном андеграунде», где проходила его юность, это звучало несколько отвлеченно. В конце концов, до перестройки в подобном положении находились почти все рок-музыканты: прессинг партийной идеологии с одной стороны, семейный прессинг – с другой. Но в этом рассказе меня поразила одна хорошая деталь: однажды в его комнату ворвался отец-полковник, схватил обычную гитару и принялся дубасить по дорогушей, по тем временам, басовой электрогитаре. В трагическом эпизоде есть забавный момент: полковник, в благородном воспитательном порыве, заодно проявился как музыкант-деструктор, что, возможно, принесло Василию Шумову больше пользы, нежели дежурное прослушивание записей знаменитых рок-групп.

Кроме трудности излагать на бумаге музыкальные впечатления, меня поджидало еще и другое препятствие: я очень плохо знаю советский рок и молодежный музыкальный жар-

гон – по сей уважительной причине никогда не взялся бы писать о «типичных представителях» данной музыкальной сферы. Но композиции Василия Шумова мне всегда нравились необычностью и решительным стремлением к поиску новых форм выражения. Мне нравились его независимость и наплеватьство на публичный вкус. Негодование или одобрение аудитории никакого значения для художественного «я» не имеет, зато позволяет бытовой персоне артиста влезть не в свои дела. А дела эти не блестящие – имеется в виду ситуация музыкального искусства в нашу эпоху. Французский композитор Артюр Оннегер сказал в сорок седьмом году, что радио и грампластинки убивают музыку, снижая остроту восприятия, развращая слушателей общедоступным техническим суррогатом. В конце века положение, понятно, не улучшилось. Тем больше уважения заслуживает артист, культивирующий, несмотря ни на что, индивидуальное творческое усилие, сколь бы странным и неадекватным оно не казалось.

Сосредоточиться только на личности Василия Шумова не хотелось по двум причинам: во-первых, фиксировать текстом «этапы творческого пути» действующего артиста занятие не очень позитивное – ведь непонятно, куда тот повернет в следующий момент; во-вторых, в наше кризисное время, которое, похоже, расплывается в технологическом галлюцинозе, неясна судьба музыки. Поэтому я решил ограничиться разного рода наблюдениями и сопоставлениями, иногда

весьма далекими от непосредственного артистического пространства и личности Василия Шумова.

Очень признателен Ольге Сальниковой и Сергею Новикову за помощь в работе.

Е. Головин

Глава первая: Черт знает о чем

Рок-музыка, в частности, рок-культура вообще – явления малообъяснимые в традиционной ретроспективе. И поскольку Василий Шумов – весьма любопытная звезда на этом небосклоне, он тоже представляет малопонятный феномен. И прежде чем мы попытаемся проанализировать его творческое усилие или, вернее, рассказать о нем, поразмыслим о музыке, рок-музыке и прочих вещах.

Четверо или пятеро молодых людей, худых, высоких чаще всего: грива до лопаток, джинсы, кожаные куртки, разорванные колоритные рубашки; браслеты, серьги, кольца или отсутствие таковых; ударник, внимательный как шаман, неподвижный центр, неподвижный мотор Аристотеля, ритмический организатор; на периферии, у рампы – бешеная эволюция тела-голоса, беснующийся солист; другие музыканты образуют переход от динамики к неподвижности, от ударника к солисту. Группа. Не квартет или квинтет в обычном понимании. Члены группы общаются между собой более тесно, зачастую вместе живут. И главное: как правило, не исполняют чужой музыки и песен, создают собственное музыкально-психическое пространство, насыщенное или нет, притягательное или нет. Существовало ли нечто подобное в исто-

рически обозримом прошлом? Бродячие трубадуры иногда объединялись в группы, ваганты – школяры, выгнанные за хулиганство и неуспеваемость – объединялись в группы. Однако на этом сравнение кончается, чисто номинальное сравнение. Рок-группу так же нелепо уподоблять бродячим трубадурам, как хаотическое, агрессивное и варварское современное сообщество – высокой и гармоничной цивилизации Средних Веков.

Рок-музыка, рок-культура – явление, в принципе, исключительное в европейском культурном ареале. Явление это объясняется скорее социальными, нежели художественными факторами, и связано с крушением патриархальных устоев общественной формации, Распадными тенденциями, рожденные французской революцией, набравшие силу в девятнадцатом столетии, взорвались, наконец, в нашу эпоху. Результаты: падение религиозного авторитета, уничтожение сословно-клановой системы, женская эмансипация, бунт молодежи, образование новых человеческих конгломератов, пребывающих в отношениях воинственных или враждебно нейтральных. В каждом таком конгломерате идут нивелирующие процессы, которые способствуют приобретению общих черт и характеристик. В интересующем нас случае гораздо легче говорить о собрании подвижных человеческих особей, чем о «молодом поколении» юношей и девушек. Длинные волосы у юношей, короткая стрижка у девушек, более или менее одинаковая одежда, увлечение наркотиками и т. п. – все это пре-

вращает людей в возрасте от пятнадцати до тридцати, сорока лет в довольно однородную субстанцию, относительно независимую от других общественных образований.

Неопределенность возраста вполне объяснима. Понятие «молодежь» все более теряет транзитность и возрастную категорию, постепенно обретая ориентацию места, пространства, темперамента. Молодость в современном смысле не есть переходный возраст к зрелости и «совершеннолетию», в молодость входят неизвестно откуда и выходят из нее неизвестно куда. Но ведь точно так дело обстоит с индивидуальной жизнью: мы не знаем своего прошлого (до рождения) и не имеем представления о собственном будущем (после смерти). В конечном счете, любые разговоры об историческом прошлом коллектива, расы – только предположения, гипотезы, не имеющие никакого достоверного основания. Аналогичное относится и к людям, которые объявляются нашими родителями, первопричинами, так сказать. Мягко авторитетно или жестко авторитарно они знакомят нас с окружающим, объясняют жизненный маршрут, навязывают свою систему религиозных, социальных, художественных ценностей, призывают, как мать Красную Шапочку, не сходить с тропинки в цветущие луга или держаться за канат в пургу на манер жителей заполярных городов. Несостоятельность этих ценностей, бессмысленность этих советов бросается в глаза при первом же сознательном взгляде на современную жизнь. Чего мы добьемся, уважая родителей, следуя

советам? Интенсифицируем общественный хаос, увеличим запас оружия массового уничтожения, бросимся, очертя голову, в зловещие космические бездны. Или, если взять семейный аспект: чему могут научить эти люди – хамы и наглецы, если они начальники; трусы и подхалимы, если они подчиненные? Больные, раздраженные, заменяющие с годами живое размышление набором трафаретов, пословиц, интеллектуальных штампов. Только один урок можно вынести из общения с так называемыми родителями – ни в коем случае не поступать и не жить подобно им. Отец Робинзона Крузо, прикованный подагрой к постели, преподавал сынку массу полезных наставлений. Что из этого вышло, мы помним.

Сказанное о молодежи в известной степени справедливо и по отношению к другим возрастным конгломератам. Каждый возраст приобретает все большую автономию. Дети еще как-то связаны общими играми и занятиями, чего нельзя утверждать о людях зрелых и пожилых. Диссолюция в этой среде прогрессирует с каждым десятилетием: если слово «молодежь» еще сохраняет соединительное свойство, то «зрелость» этим похвастать не может. Зрелые люди неотвратно распадаются на изолированные и враждебные коллективы политиков, финансистов, ученых, предпринимателей, военных, неудачников и т. д. Они еще пытаются учить молодежь «уму-разуму», но их собственная жизненная позиция сему противоречит: панически страшась старости и смерти, они любыми способами стараются «сохранить фор-

му», «омолодиться», признавая, таким образом, экзистенциальный примат молодости.

В процессе диссолюции общество дробится на массу мелких или крупных коллективов, организаций, формаций, каждая из которых представляет более или менее надежный, более или менее слаженный механизм. Одно из немаловажных следствий подобного процесса – все возрастающая скука и серьезность отношения к жизни, катастрофическая потеря элементов экстаза, импровизации, игры. (Вряд ли можно назвать «игрой» профессиональное, денежно-обусловленное спортивное состязание.) Для нормальной работы механизма необходимы ответственность, безотказность, надежность каждой детали – всякая «импровизация» в данном случае очень нежелательна или просто губительна. И, прежде всего, для нормальной работы механизма необходима энергия извне – бензин, электричество в случае сконструированных механизмов, денежный стимул, руководящие указания, демагогические призывы с трибуны в случае механизмов из плоти и крови. Катастрофический знак новой эпохи – дефицит огня, прогрессирующее убывание органической жизненной энергии, которая, исходя из центра индивидуального бытия, освещает путь и дает силы идти этим путем. Такой дефицит, такое убывание порождает многочисленные телесные недуги и сосущую, неутолимую пустоту в душе. Однако при всем желании не удастся, видимо, превратить человека в машину, то есть в устройство, работающее на простой и кон-

кретной энергии извне. Душа, понимаемая как центр активного либо пассивного воображения, питается впечатлениями, ею рожденными или приобретенными.

И если учитывать присущую современным людям пассивность восприятия, следует переосмыслить роль искусства вообще и музыки в частности. Искусство, музыка не призваны более способствовать катарсису – очищению, сублимации, поскольку подобное воззрение предполагает переориентацию уже имеющейся энергии души. К примеру, «Страсти по Матфею» И. С. Баха могут возбудить глубокое религиозное переживание, вальсы Штрауса – улучшить хорошее настроение; в том и другом случае сублимация налицо. Но сейчас ситуация изменилась, искусство должно, прежде всего, давать энергию, яркие, сильные впечатления, искусство должно ошеломлять, шокировать. «Если в красоте нет конвульсии, значит красоты вообще нет» – сказал Андре Бретон. Отсюда полная бесперспективность музеев и концертов классической музыки. Предлагая зрителю, слушателю «вечные образцы», «шедевры человеческого гения», искусствоведы и устроители думают в наивном детерминизме: это было великолепно позавчера и вчера, это и сегодня выше всяких похвал.

Нет. Восстание масс уничтожило историческое прошлое и традиционную культуру. Иисус Христос неплох как суперзвезда, но никуда не годится в качестве Спасителя или катализатора трансцендентальных сублимаций. Это отнюдь не

значит, что он перестал быть Богом, просто наша душа не отвечает Слову, динамик молчит. Вечные образцы, в лучшем случае, материал для обработки: если переписать «Дон Кихота», стилизовать «Джоконду», форсировать ритмически бетховенскую симфонию, добавив для эффекта бали-гонг и волны Мартено – тогда, возможно, это даст желанный шок и «кайф».

Авангардисты начала и середины века, расширяя традицию, порывая с традицией, оставили в неприкосновенности одно: диспозицию наблюдателя и объекта наблюдения. Картина осталась висеть прямоугольником на стене, музыканты остались сидеть на сцене, отделенные рампой от слушателей, которые тоже остались... сидеть. В этом очень сугубом смысле все равно, заключает ли рама Рембрандта или Кандинского, играет ли оркестр Гайдна или Штокхаузена. Подобная дистанция между созерцателем – слушателем и произведением хороша и необходима для вызывающего катарсис и сублимацию художественного впечатления, но совершенно неудовлетворительна для современного потребителя (консуматора). В своем стремлении получить кайф, то есть мимолетное умиротворение постоянной внутренней дисгармонии, или «заряд энергии», потребитель тяготеет к инволюции (вовлечению) в художественный процесс. Инерция, текучка, нудная нервоотрепка требует удара по нервам, вспышки адреналина. Попытки сократить дистанцию между воспринимателем и визуально-звуковым представлением дела-

лась авангардными артистами часто, но бессистемно: театр «вовлечения» Антонена Арто; скульптуры Ганса Арпа, разбросанные в парке, на первый взгляд сходные с естественными объектами; призывы к слушателям занять место оркестрантов во время исполнения «Парадоксов» Бориса Блахера. Однако здесь скорее ощущался момент эпатажа, нежели продуманной реализации. Оттого что актеры играли без занавеса или среди публики, мысленный занавес не устранился и тепло актерской руки не чувствовалось, ибо люди привыкли к противопоставлению искусства и действительности, к тому, что искусство другая и, как правило, более высокая действительность.

Так вот: привычка эта стала раздражать, высшая реальность искусства превратилась в навязчивую, нарочитую условность, миф о платоновой пещере и призрачности ежедневной жизни развеялся. Принципиальная непознаваемость уступила место «пока еще непознанному», герой уступил место сильному, выдающемуся человеку, качественное различие – количественному. Герои, великие художники – не какие-то нездешние, «вдохновленные свыше» особы, но просто отличные специалисты в своем деле. Конечно, они выделяются призванием, талантом (слова малопонятные, один из последних реверансов в сторону «непознаваемого»). Но, главным образом, их отличает «усидчивость, работоспособность» и «упорство в достижении цели», рождающее «везение». Словом, такие же люди, частицы «миро-

вого сообщества», живущие в мире, одинаковом для всех. «Горизонтальные люди в одной плоскости» – как поет Василий Шумов. Довольно точно поет, поскольку мир стремительно утрачивает вертикальное измерение инобытия. Не мир вообще, а жизненное пространство белой цивилизации.

Утрата вертикального измерения – существенно пагубная штука. Это означает, среди прочего, стандартизацию желаний и потребностей, низведение индивидуальных проблем до «общечеловеческого» уровня. Одинаковая еда в одинаково эффектных упаковках, одинаковая труха телесериалов, одинаковая трясучка в дискотеках. Материальность в смысле постоянной «лишенности», американизация, механизация. Мы приближаемся к такому уровню равенства, о котором и не мечтал романтик Оруэлл: к нивелированию жестов, выражений, интонаций, скандалов, карнавалов, взрывов. О «горизонтальных людях в одной плоскости» недурно написал когда-то Ганс Арп в стихотворении «Готовые к выходу»: поезд идет из пункта А в пункт В; под монотонный стук колес пассажиры начинают дремать в креслах, тяжелые головы смыкаются с коленями, некоторым пассажирам удастся преодолеть сонливость, они выходят на каких-то станциях; но большинство, еще «не готовое к выходу», мотается в неустойчивом равновесии; наконец лбы вжимаются в колени, и пассажиры, согнутые, словно кольца, выкатываются в проход, затем на перрон...

Представленная здесь ситуация современного человека не

требует комментария. Что может потревожить это монотонное умирание? Булавка в задницу, крик над ухом, удар по голове, короче говоря, шок. С одной стороны, только непрерывная равномерная работа может обеспечить уже совершенно необходимый уровень комфорта, с другой – эта самая работа доводит до летаргии, до сомнамбулизма. Засыпающую душу не волнуют пасторальный пейзажи, мажорные трезвучия, ей нужна бешеная энергия негатива.

Страх – чуть ли не самый яркий оттенок в скудном эмоциональном спектре современных людей, которые боятся преимущественно всего: жены, подростков детей, потери службы, плохого будущего, потасовки на улице и т. п. Но этот страх вторичен, это следствие глубокого внутреннего раскола, предательства по отношению к собственной душе, собственному self. Не доверяя своей душе и своему духу (понятия весьма расплывчатые в сегодняшнюю эпоху), человек чувствует то, что «надлежит» чувствовать и поступает, как «принято» поступать. По выражению Эриха Фромма, он подменяет собственный self социальным псевдо-self. Трусость, «инстинкт самосохранения» повелевает ему действовать по указке «большинства», преследовать цели, одобряемые большинством, заискивать перед большинством, сколь бы это ни шло в разрез с его боязливими и секретными размышлениями. И подобная трусость вполне объяснима: если человек обнаружит свое несогласие и скрытые мнения, он рискует превратиться в негодную деталь общественного ме-

ханизма и почувствовать беспощадность этого механизма.

Итак, страх вынуждает принять условия коллективной жизни и по возможности заглушить неизбежные и неприятные вопросы касательно внутренней судьбы. Например: почему я родился так называемым «человеком», а не кем-нибудь еще; почему моя двигательная и мыслительная функциональность называется жизнью; почему я родился именно в этой стране, именно в эту эпоху? Может быть, во всем этом есть неведомый закон, непостижимая логика? И, может быть, недостатки и слабости, тормозящие мое завоевание общепризнанных ценностей, по сути, мои достоинства, в которых я ничего не понимаю?

Немалое мужество требуется для разрешения такого рода вопросов, тем более, что их сомнительное разрешение не обещает ни сиюминутных, ни перспективных результатов. А жить-то надо! Прогресс цивилизации привел к необычайному расширению и углублению пропасти между индивидом и «большинством». Но это полбеды. Конец индивида связан с «энергетическим кризисом». Из-за прогрессирующего отторжения от собственной души индивид либо вообще лишается внутренней органической энергии, либо эта энергия действует хаотически, вызывая мимолетную эйфорию, но, чаще всего, истерики, надломы, психические срывы. Неведение возможности внутренней гармонии или тщетный поиск оной подменяется коллективной псевдогармонией и псевдостабильностью, потенциальный индивид центро-

бежно устремляется на поиски умиротворения постоянных внутренних диссонансов. У большинства, у социума всегда найдется изрядный ассортимент всякого рода решений и панацей на все случаи жизни и для всех психологических типов. И здесь тонкий момент: человек, пользующийся подобными рецептами, гасит последний блуждающий огонек индивидуального бытия. Он может сколько угодно убеждать себя: притворюсь, мол, из соображений выгоды и безопасности, что я разделяю их интересы и цели, а свое мнение сохранию при себе. Но это невозможно, в том-то и штука! Конформизм пригоден для революционеров, террористов, тайных реформаторов, словом, для всех жаждущих перестроить общество на каких-то других принципах, то есть для особой социальной. Лояльным и безобидным конформистам, напичканным иллюзиями справедливости, права, хорошей жизни для всех, любые контакты с обществом и государством наносят непоправимый вред. Почему? Потому что понятия справедливости, права и свободы – понятия индивидуальные, а не коллективные. Что такое общество? Собрание людей, практически лишенных индивидуальности, людей с похожими потребностями и вкусами, которые полагают, что общими усилиями легче решить проблемы всех и каждого. Отдельный человек вынужден сам заботиться о своем питании, безопасности, эротической жизни и т. п. Общество «разумно распределяет» эти функции по специальным организациям, которые, в свою очередь, распадаются на еще более

специальные, любая из коих недовольна своим положением, кричит о своей важности, требует бесконечных прав. Современное «демократическое» государство есть полигон беспощадной борьбы самых разнородных коллективов, где постоянно растет диффузия жестокости, коэффициент агрессии. Поэтому разговоры о «справедливом обществе» – нонсенс, утопия. В таком обществе каждый, по крайней мере, должен занимать присущее ему место, соответствовать своему призванию. Но о каком призвании может идти речь, если человек безропотно принимает навязанные извне религиозные, научные, социальные, эротические ценности, не пытаясь их критически осмыслить и не желая сосредоточиться на проблеме внутренней судьбы? Если человек, даже не подозревая в себе музыканта или палача, становится садовником или директором завода, или сапожником, или пирожником и далее по Лафонтену в переложении Крылова. Нет, только в простой арифметике от перемены мест слагаемых не меняется сумма. В любом другом случае сумма существенно меняется. У Василия Шумова в альбоме «Брюлик» есть любопытная песня «Формула один»:

*Перемена мест слагаемых
По формуле один.
В результате получается
Вместо чая эфедрин.*

Это еще хорошо, что получается невинная балдежная

дрянь как эфедрин. Вполне мог получиться тротил, ибо каждое слагаемое ничего не ведаёт ни о себе, ни о других.

* * *

Автомобиль питается бензином, компьютер электричеством. Чем же питается государственный аппарат в частности, общественный механизм – вообще? Материальными благами? Да, разумеется, «мы для вашего блага едим яблоки и пьем молоко», – по выражению Оруэлла. Но так чиновники поступают как частные лица, к тому же они отнюдь не представляют государства в целом. Мечтами о прогрессивном переустройстве общества тоже сыт не будешь. Чем же питается удивительная, приближающаяся к механизму формация из органических человеческих деталей? Управленческий аппарат, безусловно, составляют люди, по своим параметрам наиболее приближенные к механизму. Так можно определить людей, почти или полностью лишенных того, что называется душой, духом, вертикальным измерением, внутренним миром. Они живут внешними ситуациями, внешними интересами, функционируют за счет спровоцированной энергии и способны умереть, прочитав нечто в газете, как бунинский «Господин из Сан-Франциско». Хотя живут ли они? Умирают ли они? Жизни и смерть – полярности только для отвлеченного мышления, жизнь и смерть образуют немислимые комбинации. Про массу особей вообще нельзя точно сказать,

живы ли они или мертвы, и «государственные» люди относятся к их числу. И поскольку под жизнью они понимают нечто упорядоченное и стабильное, то посвящают свое время беззаветной борьбе с хаосом и спонтанностью. Нет ничего кошмарней приверженцев больших чисел и абстрактных категорий, голодные акулы – ерунда по сравнению с борцами за свободу, счастье, равенство и т. д. Абстрактная категория вне жизни и смерти, ее нельзя уничтожить и нельзя насытить. Поэтому понятно, чем питается общественный механизм. Он питается кровью.

Не слишком ли резко сказано? Нет. Поразительно, как то, что в высокой степени требует доказательств, принимается без возражений. Моральные императивы, справедливость, счастье, свобода, благополучие... что это? Идеалы, говорят. Но эти идеалы постоянно перекалываются на спину чудовищного фантома под названием «будущее». Эти идеалы высосали столько крови, что по сравнению с ними граф Дракула просто младенец. Эти слова, лозунги, идеалы есть предвестие inferнально окрашенного «ничто», беспощадного врага всего живого. И государство, которое постоянно вопиет о великих общих целях, свободе и благополучии, вампирично по сути своей. Государство не может жить без врагов, как внешних, так и внутренних, без постоянного притока живой крови, более того: оно заражает вампиризмом свое население. И обескровленное это население жаждет крови в любых модификациях – крови духовной, душевной, телесной.

Спросят: зачем все это, если мы, вроде бы, решили поговорить о рок-культуре? Именно поэтому. Рок-культура, явление столь интересное и значительное, что нельзя обойтись без краткой характеристики эпохи, ей сопутствующей. Хотя данная культура и порождена эпохой, она остается ей чуждой по многим качествам.

Музыка, этика, мировоззрение – явления взаимозависимые. Более того: вплоть до девятнадцатого века полагали, что космос организован музыкально. «Музыкальные соотношения, – писал Новалис, – отражают, мне кажется, основные соотношения природы». Надо сразу заметить: здесь имеется в виду природа как живой организм, принципиально недоступный измерению. Это же касается и основных музыкальных параметров: интервала, ритма, интенсивности, длительности. Согласно теориям, сохранившимся до нового времени, эти параметры неопределимы, их невозможно точно разделить в общем музыкальном процессе. Почему придавалось музыке столь глобальное значение? Потому что она почиталась первой эманацией порождающих космос пифагорейских чисел – генад, потому что молчаливое творящее Слово пробудило эфирную (квинтэссенциальную) музыку зодиакально-планетных сфер.

Но здесь необходимо общее замечание: прямые линии,

пропорции, измерения пространства – умозрительные сущности, не имеющие отношения к живой природе. Принцип количества отнюдь не исчерпывает числа, это одно из проявлений многообразия числа. Абстрактные категории направляют интеллектуальную деятельность, но не жизнь живой природы, которая всегда и во всем, хотя бы на мельчайшую долю секунды, миллиметра, миллиграмма отстает или опережает предписанные ей правила и периодические законы. Между многоугольником и окружностью всегда останется качественное различие, сколь бы ни умножать число его сторон. Но рациональное мышление, применяющее абстрактные категории для исследования и освоения живой природы, пренебрегает подобными «мелочами». Итак, освоение и покорение требовали универсальной системы исчислений и измерений, которая в общем и целом была создана в семнадцатом – восемнадцатом столетиях. Это поворотный пункт в обозримой истории. Натуральные объекты перестали рассматриваться индивидуально и подверглись прогрессирующей унификации. Человек – познающий субъект – противопоставлялся остальному миру. Но какой именно человек? Кто взялся говорить от имени человека и «человечества»? Ведь люди разнополы, разнолики, разноцветны. От имени «человека вообще» выступили мужчины белой расы в возрасте приблизительно от тридцати до шестидесяти, наделенные хорошими индуктивно-дедуктивными способностями, острой наблюдательностью, скупой фантазией и достаточ-

ным досугом. Ровный темперамент. Религиозные, художественные, эмоциональные пристрастия отодвинуты на второй, третий план. Этот ведущий коллектив расположил себя в центре, далее шли коллективы менее ведущие, далее безграмотная толпа и на самой периферии – экзотические расы. Этот коллектив представителей «объективного математического естествознания» не принадлежал к какому-либо классу, напротив, явно или неявно игнорировал сословную иерархию в духе социума, который мы знаем теперь.

Почему рационалисты столь беспрецедентно преуспели? Они сумели в эпоху полного религиозного разброда и общественных потрясений (шестнадцатый, семнадцатый века) заменить Господа Бога познающим разумом, превратив небесные эйдосы, логосы и формы в определенную сумму абстрактных категорий. Для познающего разума нет ничего «святого» в плане каких-либо ориентиров, кумиров, авторитетов, модусы его деятельности – исчисление, измерение, взвешивание и т. д. – функционируют в условиях внежизненной обобщенности. В этом смысле познающий разум стал напоминать Бога, для которого ведь тоже ничего «святого» нет. Все, попадающее в область рациио, есть материал для обработки, а не объект созерцания или со – чувства: пантеистическая одушевленность природы превратилась в общее движение, числа – генады – в принципы математических закономерностей, изначально присущие космической материи. С точки зрения христианства это чистый люциферизм

и сатанизм – отсюда негативная реакция церкви.

Против чего восстал централизованный познающий разум? Против теологически и магически ориентированной метафизики и науки – в той или иной форме они существовали везде и всегда. Познающий разум ввел в человеческую историю нечто новое – идею смерти как абсолютного небытия. Из нижеследующей цитаты, заимствованной у Парацельса, понятно, насколько чужда была эта идея европейскому сознанию до начала нового времени. «Мир, природа – единое целое, организм, где все вещи соответствуют друг другу и соотносятся меж собой. Нет ничего мертвого, весь мир проявляется грандиозным живым существом.

Нет ничего телесного, что не содержало бы духовного в себе, нет ничего, что не таило бы в себе жизни.

И жизнь проявляется не только в движении, как например, у человека или зверя, жизнью обладает любая сущность. И нет смерти в природе, а есть только возвращение той или иной сущности в тело истинной матери – растворение первого рождения и начало становления новой натуры.

Человек – существо тройственное: материальное, соответственно телу; эфирное – по духу; божественное согласно душе. Следовательно, человек присутствует в трех мирах. Так как человек представляет собой микрокосм, тройственный дух направляет его и живет в нем.

Пища лишь способствует человеку как навоз – вспаханному полю. Ни жизнь, ни разум, ни дух не зависят от пищи

и питья: дух его властелин, воображение – инструмент, тело – конкретная материя».

Из этого пассажа следует несколько интересных для нас выводов: человек представляет своего рода трезвучие и тело не является основным его тоном; равным образом человека можно сравнить с инструментом (музыкальным), на котором играет его дух (властелин); смерть – потенциальность (молчание), где разлагается трезвучие (инструмент) и возрождается в иной форме (новой натуре).

Но здесь возникает такой вопрос: каково предварительное условие понимания макрои микрокосма как изменчиво-живого организма, почему вообще возможна теологическая метафизика и натуральная магия, основанная на гармоническом соответствии всех элементов вселенной?

Ответ более или менее ясен: это можно только при гипотезе непроявленного, недоступного интеллекту центра (пифагорейское «первоединое»), отраженного в проявленном мире двумя умопостигаемыми центрами (солнце и луна, небо и земля, мужское и женское, сердце и мозг, – в зависимости от того или иного плана бытия). И тогда, при наличии «души мира» (*anima mundi*, эфир – квинтэссенция, вселенская кровеносная система), управляющей четырьмя космическими элементами, функционирует органическое целое.

Подобные концепции, где человеческая жизнь включалась в периодический динамизм живого космоса, ощущались и пульсировали вплоть до века Просвещения. Любо-

пытен следующий фрагмент из знаменитой «Истории мира» (1607 г.). Уолтера Рейли: «К бесконечной мудрости Божией ангелы приобщены по-разному. Мудрость Божия внушает больше или меньше света и красоты небесным телам, разъединяет птиц от зверей, творит орла и муху, кедр и землянику, дает сияние рубину, искристость алмазу, разделяет людей согласно позициям: короли, герцоги, народные лидеры, магистраты, судьи».

«Бесконечная мудрость Божия» и есть, в данном контексте, недоступный интеллекту центр. Этот центр создает живую и вездесущую иерархию, которая объединяет объекты значительные и самые-самые пустяковые. Понятно, почему «без воли Божией волос не упадет с головы человека». Ведь даже такой пустяк как этот волос есть элемент живого вселенного организма. Наше собственное тело может послужить отдаленным примером иерархически организованного мира Божьего: голова, сердце, руки, ноги, бесспорно, «главнее» ногтей – однако ясно, что и мизинец на ноге очень и очень важен для нас, и мы расстаемся с ним с большой неохотой. В иерархии органической, в отличие от механической (армия, бюрократический аппарат и т. п.), все одинаково важно и неповторимо, независимо от серьезности исполняемых функций.

Итак, можно констатировать или, говоря осторожней, сильно подозревать, что недоступный внеинтеллектуальный центр бытия покинул белую цивилизацию. «Бог мертв», –

сказал Ницше. «Бог и боги не участвуют более в человеческой жизни», – сказал Хайдеггер. Но не только новые авторы утверждают сие. Мы находим подобные утверждения в расцвете ренессанса (к примеру, в трагических дневниках Микеланджело) и на протяжении шестнадцатого века (к примеру, в «Дон Кихоте» Сервантеса, в «Анатомии мира» Джона Донна, в диалоге «Ужин в пятницу» Джордано Бруно). В этой, в принципе, непостижимой катастрофе нельзя, конечно, винить вышеуказанный «мужской коллектив». Просто случилось такое положение дел: жизнь перестала баловать избытком щедрости, перестала бить фонтаном, взрывом. Возникло «трагическое чувство жизни», пессимизм и проблема «выживания». Психологическая потеря центра резко переменяла экзистенциальные акценты: единый континуум зодиака, звезд, планет, элементов раскололся на время, которое надо было измерить и заполнить, и пространство, которое надо было измерить и завоевать. Очевидная бессмысленность жизни и прогресс научного мышления свели религию к десятку моральных догм, необходимых в социальном сосуществовании. Жизнь медленно и верно превращалась в борьбу против разъедающих сил хаоса, и чувство относительной стабильности давал измеряющий разум, рацию. Поэтому для нас, живущих в конце двадцатого века, история – только история рационального мышления, которую можно датировать с Галилея и Декарта: наши рассуждения о Средних Веках и более далеком прошлом – только

домыслы и гипотезы более или менее остроумные, ибо наше механистическое мышление бесполезно при изучении исторических документов и археологических данных.

* * *

Главная основа децентрализованного измеряющего разума – равенство: равномерность и равнодольность: для удобства «познания» мир необходимо расслаивать, рассекать на все более однородные слои, доли, части. Это придает познаваемому и познающему транзитно-призрачный характер. В новое время плохо верят в привидения либо жалуются, что редко с ними общаются. Иначе и быть не может: рациональное мышление медленно и верно перемещает нас в потустороннее, обращая в гоблинов, вампиров, стригов и посетителей НЛО...

* * *

Когда животворная огненная пневма перестала насыщать мир субтильной энергией, это вызвало резкое разделение поэзии и музыки. Подробное описание данного процесса не входит в нашу задачу, ибо мы пытаемся размышлять скорее о музыке, нежели о чем-нибудь другом. Музыка в обычном понимании – только производная и незначительная область

этого искусства. Еще в эпоху барокко различали: *musica mundana* (гармония сфер); *musica humana* (гармонические взаимоотношения духа, души и тела); *musica instrumentalis* (музыка в обычном смысле). Музыка утратила роль в инициации и магико-терапевтические качества, превратившись за последние три века в развлечение изысканное или вульгарное.

В семнадцатом веке музыка подверглась нападению двоячной системы, которая стала преобладать в расценке бытия. Семь диатонических ладов сменились двумя: мажором и минором, все большее значение стал приобретать двудольный ритм. Этот мажоро-минор и двудольность, рожденная, очевидно, тик-такоем механических часов, настолько пропитали нашу кровь, что мы даже отдаленно не можем представить натуральную полифонию в сложной ее ритмике. Низведение бесконечного многообразия времени к универсальному эквиваленту пагубно отразилось на музыкальном искусстве. Через человека средневековья проходило несколько течений времени, он жил, так сказать, в темпоральной полифонии и никуда не торопился (мысль Йохана Хейзинги в «Осени Средневековья»). Он был в центре своих занятий и каждое занятие имело свою временную протяженность. Служба в церкви, ремесло, война, пахота, праздники никоим способом не укладывались в жесткую линейную последовательность, а лишь контрапунктически пересекались. Люди той эпохи редко знали свой возраст, поскольку определяли оный

по тем или иным событиям. К тому же существовали серьезные разногласия касательно начала жизни: одни определяли началом зачатие, другие – рождение в обычном смысле, третьи – вхождение в тело небесной души (*anima celestis*) – в промежутке от семи до десяти лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.